

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

ГОЛУБАЯ ГЛУБИНА

КНИГА СТИХОВ

im WERDEN-VERLAG
МОСКВА - AUGSBURG 2002

Андрей Платонов, 1923 год.

© Андрей Платонов. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Москва, 1998, с. 27-83

© «Im-Werden-Verlag», 2002

<http://www.imwerden.de>
info@imwerden.de

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

Гудок	5
Поход	6
Вселенной	7
Молот	8
Судьба	8
Кузнецы	9
Италии	9
К звездным товарищам	9
Знание	10
Мысль	10
Вечер после труда	11
Субботник	11
Май	12
Вечер мира	12
Птицы	13
Путь в горы	13
Напор	14
Богомольцы	14
Сын земли	15
Дети	16
Конный вихрь	17
Фронт	18
Динамо-машина	18
Последний шаг	19
Топот	20
«Сгорели пустые пространства...»	20
«Познаны нами тайны вселенной...»	21

Раздел II

Из поэмы «Мария»	22
«Сердце в эти дни смертельно и тревожно...»	22
«Я сердцем знаю...»	23
«Далью серебряной в утро росистое...»	23
«Тих под пустынею звездною...»	23
«Над голубыми озерами...»	24
Сумрак	24
«Тихий свет сиянья угасания...»	24
При прощании	25
Во сне	25
Слепой	26
«Мы пройдем тебя до края...»	27
«Тою ночью, тою ночью...»	27
«Падают звезды с неба на траву...»	27
«Среди нив певучих в спелости...»	28
«Тиха дорога, неизвестна...»	28
«В эти дни земля горячее солнца...»	28
«По деревням колокола...»	29
Тоска	29

Много матерей	30
Мир	30
Мертвый	31
«Небо вверху голубое...»	31
«Мир рожден улыбкой человека...»	32
«Когда я думаю, я слышу музыку...»	32

Раздел III

Русь	33
Вечерние дороги	33
«Невысокие лозины...»	34
Степь	34
Март	35
«Млеют в горячей весенней испарине...»	35
«На реке вечерней, замирающей...»	36
Ночь	36
День	37
«Как тополи в тихие ночи...»	37
«Солнце жжет арбузы, зеленит огурцы...»	38
На реке	38
У города	39
«Не тихо и не шибко...»	39
«Долог зимний рассвет...»	39
Дорога	40
Песня	41
Белый свет	41
Мужик	42
Маня с Усмани	42
Лесная говорушка	43
Мать	43
Мальчик	44
Домой	45
Странник	47
Сказка	47
Дорога утром	48

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК «ГОЛУБАЯ ГЛУБИНА»

Поезд	49
Над горами	49
Последний день	49
«Мир родимый, я тебя не кину...»	50
Лунный гул	51
«Мы на канатах прем локомотив...»	51
«Резцом эпох и молотом времен...»	52
Стихи о человеческой сути	52
Небесная авиация	53
«Изобретатели! Громылы мира...»	53
На корабле	54

*Жизнь — далекая дорога,
Неустаный путник я.
И у неба голубого
Я любимое дитя.*

РАЗДЕЛ I

ГУДОК

Мы спешим...
Нас цедит будка при воротах
И проплескивает дальше.
Дальше, дальше — к мастерским.
Через балки, чрез обломки, горы стружек
И шеренги ожидающих машин
Мы бежим от нетерпения,
Исчезаем в черных пастях
Каменных зверей...
Мы спешим.
Гудок последний
Белым вихрем атмосферу
Вдруг рассек.
И железные, стальные,
Молчаливые массивы,
Эхом гулким завывая,
Отозвались ему.
А гудок бичом хлестает
Утра, белую без солнца,
Непроснувшуюся мгу.
Он прорвался сквозь ущелья
Узких трубок и кранов —
И вот бьется от восторга,
От свободы, от победы
Белым вольным ураганом
Выше, дальше —
В сердце неба,
В гущу туч!
От стального его рева
Сотрясаются и плачут
Влагой мелкой облака...
О, пронзай, ломай преграды,
Неподвижные громады,
Окаянные пустыни,
Непройденные пески,
Белоструйный пламень снежный
Пар — гудок!
Громче, резче раскаляйся,

Рви на клочья, распыляй
Туман низкий — пасть могилы,
Жуть бессилья!
Пробивайся сквозь пространства
К мертвым звездам,
И столкни их, и смети их
Своей силою земли...

Мы — гудок, кипящий мощью,
Пеной белою котлов,
Мы прорвемся на дороги,
На далекие пути.
Не отступим, не уступим —
Без конца вперед идти:
Только в силе — радость жизни,
И в победах — упоенье,
В достижениях — гордость воли,
И в огнях манящих — власть...
Наш гудок — сигнал желаний,
Клич трепещущий сердец,
И труду, усилью, воле —
Утренний привет.

Мы рванемся на вершины
Прокаленным острием!
Брешь пробьем в слоях вселенной,
Землю бросим в горн!

ПОХОД

Мы горы сровняли с великой дороги,
Но не с иконой — с винтовкой пошли.
Винтовкой мы землю подняли на ноги
И победить мы сумеем — раз умирать мы могли.
Там, за победой, снова дорога.
И нет у ней края, как звездам числа.
Не одного миновали мы бога,
Та же в нас сила, что солнце зажгла.
Мы не живем, а идем, умираем,
Будто мы дети другого отца.
Здесь мы чужие и зажигаем
Мертвую землю с конца до конца.
Мать никакая нас не рождала,
Руку невесты никто не держал.
Сила враждебная смертью сметала,
И мы умирали, но каждый вставал,
Кто говорит, что там небо без края,

Звезд ни один не считал, и не счесть,
Знает лишь тот, кто, в тоске умирая,
Тайную слышал далекую весть.
Кто говорит — тот в гробу шевелится,
А не живет, не несется на смерть.
До звезд нет дороги — так мертвому снится.
Можно достать их, и взвесить, и счесть.
Нас не задушат просторы вселенной,
Сколько б дорог нам она ни открыла,
В нашей бесчисленной рати бессменной
Бьется и дышит бессмертная сила.

ВСЕЛЕННОЙ

Вселенная! Ты горишь от любви,
Мы сегодня целуем тебя.
Все одежды для нас в первый раз сорви,
Покажись — и погибшие встанут в гробах.

Твое солнце на небе и в топке,
В нашей мысли, в летящей звезде,
Ты в былинке унижена робкой
И бессмертная в каждом листе.

Отдайся сегодня, вселенная,
Зацветай, голубая весна,
Твоя первая песня весенняя
В раскаленных машинах слышна.

Ты невеста, душа голубая,
Зацелуем, познаем тебя.
Ты прекрасней чудес, но слепая,
Ты не тайна, а плач и мольба.

Мы — сознание, свет и спасение,
Никто после нас не придет,
На трупах цветы улыбнутся весенние,
Девушка сыну цветов сорвет.

Разум наш, как безумие, страшен,
Регулятор мы ставим на полный ход,
Этот мир только нами украшен,
Выше его — наш гремящий полет.

Мы усталое солнце потушим,
Свет иной во вселенной зажжем,
Людям дадим мы железные души,
Планеты с пути сметем огнем.

Неимоверной мы жаждем работы,
Молот разгневанный небо пробьет,
В неведомый край нам открыты ворота,
Мир победим мы во имя свое.

МОЛОТ

Удары родят молнии —
Безумные, упорные,
Неуловимо полные мгновенного огня,

Земля качает сводами.
Пар льет паропроводами
На молот мощь зажатую, от трепета звеня.

И будто с ликованием
По мертвым наковальням
Металл играет в пламени,
Дробится, изменяется
И снова накаляется,
Сверкая остро гранями.

Огни роятся искрами —
Трепещущими, быстрыми,
И близкими, и дальними...

СУДЬБА

В звездной безутешной смертной тишине
После ветра, после птицы мы родились на земле...
Чуть в неуловимой тихой вышине
Радуетя — стонет песня на селе.

Вечность мы обнимем вечером рукою,
Девушку испуганную, утреннюю тень.
Выйдет солнце громкое над большой рекою,
Никогда не смеркнется наш великий день.

Музыка на празднике гибелью гремит:
Кинулись товарищи в улицы на бой.
Далеко, за гибелью, спасение летит
С пополам разрубленной, конченной судьбой.

КУЗНЕЦЫ

Снова в руках молотки и зубила,
Песней весенней залились станки.
Пламя железо в горне раскалило,
Куйте его, кузнецы-батраки.

Буйные дети борьбы и свободы,
Куйте железо с зари до зари,
Нивы покроют зеленые всходы,
Песнь про вас сложат в полях косари.

ИТАЛИИ

На морях из льющих алмазов
Дышит в солнце пальмами земля,
И вершины гор из дымных газов
Растопила золотая мгла.

Корабли в волнах далеко бьются,
Ветер воет в мачтах, парусах...
Человек услышал, как поются
Песни бурь в отвесных берегах...

Меч в руках раба не в первый раз,
Залп не первый — по дворцам...
Мы слились, мы лава — миллионы нас,
Мы гремим восстаньем по странам.

Океан в прибое свирепеет,
Мир от взрывов недрами гудит.
Жажду правды сердце в сердце сеет,
Красный Факел мщением горит.

Юный Друг, далекий и прекрасный,
Душу Ты отдал для мук борьбы.
О, борись, восставший брат наш красный,
Рвут уж цепи по земле рабы!..

1919, XI

К ЗВЕЗДНЫМ ТОВАРИЦАМ

На земле, на птице электрической
Солнце мы задумали догнать и погасить.
Манит нас неведомый океан космический,
Мы из звезд таинственных будем мысли лить.

Мы летим. Нам смерть, как жизнь, — товарищ.
Лучше гибели невесты не найти,
Чище муки ласки не узнаешь.
Тот живет, кто кончил все пути.

Мир стал громок и запел в машине,
Бесконечность меряет великий машинист.
Где луна одна веками стынет —
Наших сверл могучих ураганный свист.

Мы задумались о мире неизвестном,
В нем томится истина — умершая сестра,
Не свернем мы никогда с дороги крестной,
Наш гудок тревожный загудел с утра.

Больше жизни мы познали гибель,
В нас ненависть, и надежда, и тоска.
Мы слепые, каждый ненавидел,
Только слушал, как работали века.

От ненависти — всего мы захотели,
В наших топках пусть вселенная сгорит.
Нет нам матери. Мы жить одни посмели.
Пусть гудок тревожнее гудит.

Город улетающий в сверкающем железе —
Небо прорывающий таран.
Мы проломим двери в голубом навесе
К пролетариям планетных стран.

ЗНАНИЕ

Нам радость незнакомая
В тебе горит, познание!
В груди живет истомою
Тоска, от тьмы отчаянье...

Душили мир страдания,
Но жизнь светла надеждою —
И ты пришло, о знание,
Под красною одеждою...

МЫСЛЬ

Жизнь еле тлеет под камнем смерти,
Изнемогает в борьбе со тьмой, —
Свалите камень, земные дети,
Пусть станет истина ее душой.

Над нами солнце и в нас рассвет,
Все реки светятся до дна.
И в нас восходит светлейший свет,
Ничья не будет душа одна.
Мы все воскреснем, живыми встанем,
Родился новый сильнейший бог.
У бездны дна теперь достанем,
Сойдутся братья с больших дорог.
Мысль человека стала богом,
Сознание души зверя тьмы.
На царство сядет царь убогий —
Ни ты, ни я, а — мы.

ВЕЧЕР ПОСЛЕ ТРУДА

Мастерская пуста;
Как громадна она!
Я остался один..
Тишина здесь властна.
Реет чуть теплота
У горна.
Луч вечерний повис
У окна.
Там, за пыльным стеклом,
Воздух ласков и чист...
Свет родившихся звезд
Серебрист.
Тишина так полна,
Словно слышится свист.
Ночь крадется. Темнее, темней...
Огонь звезд так далек, потаенно лучист.
Буду ждать, буду ждать...
Так ужасно покоя молчание...
С солнцем жизнь не ушла —
Ее нежное веет дыхание...
Силуэты машин недвижимы, мрачны,
Смерти вижу на них одеяние.
Мастерская пуста...
Огонек под золой, потухая, живет в угасании.

СУББОТНИК

Волей рожденный чудесной
Всечеловеческий труд...
Люди под ношею крестной
Счастье себе обретут.

Братские мощные руки
Кровью налиты одной...
Наши грядущие внуки
Будут семьею родной.
Мы под железными стонами
Счастье для мира творим.
Мы трудовыми подъемами
Землю сжигаем и сами горим.

МАЙ

Мы живем под солнцем голубого мая,
Пламенем желаний наша грудь полна.
Мы растем все выше, силы отнимая
От земли и неба, где горит весна.

И в огне восторга поднимаем молот,
Разрушаем горы на своих путях...
По земным пустыням строим Новый Город,
Запоют машины в каменных сетях.

Без числа и меры, без конца и края
Мы покрыли землю, мы сжимаем мир...
Загремела песня, в сердце замирая,
И слились просторы в бесконечный пир.

В этот день, ликуя, брат стал рядом с братом,
Загорелась в каждом ясная звезда...
Катится и стонет, и гудит набатом
Радость и смятенье — ураган труда.

1920 г., 1 мая.

ВЕЧЕР МИРА

Мы уьем машинами вселенную,
Под железом умерла земля,
В наших топках бьется солнце пленное,
И в бессмертной стали нет добра и зла.

День и ночь в вагранках раскаленных
Пламя переходит в ледяной металл;
Мир стоит, печами озаренный,
Как невесту, человек его обнял.

Льем мы новую железную вселенную,
Радостнее света и нежней мечты,

В ней надежды наши оживут безмерные,
Мы переместим все пути светил.

Мы бессмертны, мы неведомое любим,
Мира мало, чтоб насытить нас,
Мы все грани и законы переступим, —
Для вселенной бьет последний час.

Пой, товарищ, в этот вечер мира,
К полночи потухнут звезды и цветы,
Маховик к зениту вскинет крылья,
В неизвестность строим мы железные мосты.

ПТИЦЫ

Высоко птицы
Вереницей
Летят с далекой неслышной песней.

О, птицы, птицы,
Нам песня снится,
Зовет нас небо, на солнце путь.

Мы любим море, —
В гремящем хоре
Стон урагана, удар борьбы.

Мы любим горы,
Вершин упоры
И песни вашей над миром крик.

ПУТЬ В ГОРЫ

Поля бурьяном зарастали,
И зверь по чащам ликовал.
А мы пришли — зубцами стали
Плуг рвы и степи запахал.

Живое солнце в красных жилах
Дробило землю на куски,
Отцы ворочались в могилах,
Колосья вспухли, как соски.

Мир раскаленный был враждебен,
Спала машина в недрах руд.
Но человек родился гневен —
Его путь в горы долог, крут.

НАПОР

Рука с рукою мы стали рядом,
Дыханье брата — мой тоже вздох.
Удары сердца — разрыв снарядов,
И взор ответный взор зажег.

Душа убита, и жизни нету,
Весь мир в железе надет на штык.
Мы рубим корни у всего света,
Победа наша — смертельный крик.

В день истребления — земля пустыня,
И каждый зверь в ней господин,
На небе солнце тогда остынет,
Не нужен миру властелин.

Под нашим шагом цветы сгорают,
Мы — гибель всем, кто не погиб.
В волне кровавой поля рыдают,
Мы выпрямляем путей изгиб.

Душа с душою — дыханий ветер,
Земля и небо — океан.
Над головами не жизни ветви —
Свинца и меди ураган.

БОГОМОЛЬЦЫ

Нету нам прямой дороги,
Только тропки да леса.
Уморились наши ноги,
Почернели небеса.

Богомольцы со штыками
Из России вышли к богу,
И идут, идут годами
Уходящею дорогой.

Их земля благословила,
Вслед леса забормотали.
Зашептала, закрестила
Хата каждая в печали.

От кого шуршит дорога,
Кто там ищет и чего?..
Глаз открытых смотрят много
У небесных берегов.

На груди их штык привязан,
А не дедовы кресты.
Каждый голоден и грязен,
А все вместе — все чисты.

Отчего тепло на свете,
Тот же дух и в них горит.
Правду знают только дети,
Никто больше не вместит.

Шел из Киева с сумою
Дед, и слезы на глазу.
Душу, думал, упокою,
Всем дорогу укажу.

А навстречу дети, дети,
И железо на плечах...
Видно, вновь Христос на свете,
Раз у них тоска в очах.

Руку дед поднял к восходу,
Все века и дни понял,
Поглядел он будто в воду
И увидел всем причал.

Богомольцы и у бога
Не увидели небес...
Дум несут с собою много,
Как штыков железный лес.

СЫН ЗЕМЛИ

Опустилась с неба раненая птица,
Поперек дороги ей легла гора.
Жизнь, полет высокий, только тихо снится —
У костра со звездами до утра игра.

Крылья холодеют и на шее камень,
Глыбы на дороге, смерть и тени тайн,
Глыбы шевелятся, шевелятся сами,
Горы над горами, как над бездной край.

Где ж гнездо и мать тут у небесной птицы,
Только тьма пещеры для прохода тайн.
И без шума мчатся тени вереницей,
Смерти, жизни нету, вечно ожидай.

Птица еще бьется, есть под сердцем дети,
С нею прилетели с голубых равнин.
Если мать не дышит, то у них нет смерти,
И вздохнет и выйдет из утробы сын.

Из утробы мертвой он один родится,
Перемрут под матерью многие птенцы...
До конца сын будет с смертью, с тайной биться,
И его помянут звездные венцы.

Через глыбы, горы тайн и неизвестного
На коне Ненависти пронесется сын.
В вихрь и ночь безумия, жаркого и тесного,
Он на крыльях пламенных врежется один.

Это мать убитая, брошенная с неба,
Через горы бросила сына к небесам.
Все птенцы подошли с голоду, со слепу
И лежат на камнях черной кучей там.

В сыне мать открыла снова небу крылья,
И смеется звездам из-за глыб и гор,
И летит звенящей, белой, звездной пылью
В тихие равнины в голубой простор.

Прошрое, далекое, всю немую вечность,
И холодный камень, тайную звезду —
Все поймет, полюбит, кончит бесконечность
И на крыльях вскинет Сын на высоту.

Это мать убитая в нем летит и ищет,
Никогда не кончит своего пути...
И живых и мертвых с гор высоких кличет
На дороге дальней всех птенцов найти.

1920, 7 ноября.

ДЕТИ

Не сгорает город огненный,
Весь в страдании торжественном.
Из машин стальных бьют молнии.
Вышли трубы грозным шествием.

Мы безумную вселенную
Бросим в топку раскаленную,
Солнце древнее, бесценное
Позабудется, сожженное.

Оборвем мы вальс тоскующий —
Танец звезд, далеких девушек.
К ним идет жених ликующий —
Сжечь обитель светлой немощи.

Не любовь мы, а познание,
Сердце было — ком тоски.
Мы ворота ищем тайные
Уплывающей реки.

Наши дети не родились,
Не родятся никогда —
Через вечность мы пробились,
Будем биться, жить всегда.

Дети — сладкое бессилие,
Сказка радостная смерти.
Мы ж невянущие лилии,
Мы смеющиеся дети.

КОННЫЙ ВИХРЬ

Пролетарской коннице

По морю, по морю земли
Храпят табуны лошадей.
Гонят в ущелье петли
Безумное стадо людей.

Пики их жалят и жалят,
Души секут пополам,
Брызгают трупы и тают,
Трупы — дорога коням.

Копыта вонзаются в череп,
Сердце в груди дребезжит —
Красноармейцем стал мерин,
Смертью ревет и визжит.

Топчут пустыни копыта,
Топчут и рвут города.
Крепость гранитная смыта —
Жизнь никому не отдам.

Враг под ногами не дышит,
В землю вогнал его конь,
Победы моей не услышит —
Красный ликует огонь.

ФРОНТ

Артиллерийский звон колокольный
В стены набатом гудит.
Башни взлетают, дворцы загораются,
Пыль кирпичей в облаках.
В город расплавленный молот опущен,
Брызгает пламенем камень домов.
Трупами люди мостят переправу,
Падает к братьям брат на штыки.
Дрогнуло вздохом зарево в взрыве,
Комом свинцовым запущена смерть...
Гневный поток размывает дороги —
Пушки, колеса, лошади — мы...
Выгнула спину крепость — плотина,
Дышит гранит, как живой.
Трубы без дыма отрублены в небе,
Будто слепые глаза.
Но целы машины под цинковой крышей,
И слушают чутко станки...
Лопнет плотина под силой напора
(Разве ей скажет кто: стоп?).
Сжатая мощь водопадом сорвется,
Смоет, сравнивает трупов бугры,
Люди грудь с грудью к трупам сойдутся,
Брат не нанижет брата на штык...
Долго идем мы, не видим друг друга,
Стены кругом нас и камень в душе;
Но мы заложили пуды динамита
В камень, в гранит, под бетон.
Врата родного мы в жертву отдали,
Шнур поджигали живую свечой.
Но мы пустили под облако пылью
Стену и душу сухую врага...
Человек человеку навстречу
По крови шагает, шагает века.

ДИНАМО-МАШИНА

Песнь глубин немых металла,
Неподвижный долгий звон.
Из железа сила встала,
Дышит миллионом волн.
Из таинственных колодцев
Вверх, на горб, машины с пеньем
Вырываются потоки — там живое сердце бьется,
Кровь горячая и красная бьет по жилам в наступленье.

ТОПОТ

В душе моей движутся толпы...
Их топот, их радостный топот,
Как камней сползающих грохот.
Без меры, без края, без счета
Строят неведомый город, —
Выше, страшнее, где тайна и холод —
Камень на камень, город на город...
Тихо. Только в материи сопротивление —
Ропот.

Там, где удар, там и миги и годы
Плавятся в вечность машиной и потом...
Тихо танцуют звезд хороводы,
Выше их вышли трубы заводов.

Там, где царили вселенная, рок,
Скованный проводом мечется ток.

Слава безумию, взрываю и топкам,
Грохоту, скрежету, топоту, топоту,
Мысли и числам неисчислимым,
Цифрам сомкнувшимся, неизмеримым.

Лопнули мускулы. Смерть человеку —
Брошен в колодезь последний калека,
Душу живую машина рассекла.

Наша душа — катастрофа, машина.
В небо уперлись железные спины.
Солнце стихает, склоняется, стынет.

Ступайте толпа за толпою
По жаркой, по вашей душе.
История больше не даст перебоя,
В машине сгорает мир тайн и вещей.

Любовь — это девушка, шепот,
Но ночью там движется топот,
Идут по душе моей толпы.

* * *

Сгорели пустые роустранства,
Вечность исчезла, как миг,
Бессмертные странники странствуют,
Каждый все тайны постиг.

Товарищ, нам тесны планеты,
Вселенная нам каземат.
Песни любви и познания спеты —
Дороги за звезды лежат.

Товарищ, построим машины,
Железо в железные руки возьмем,
В цилиндрах миры мы взорвем,
И с места вселенную сдвинем.

В глазах наших светятся горны,
В сердце взрывается кровь,
Как топка, душа раскаленная,
Как песня, гудков наших рев.

* * *

Познаны нами тайны вселенной,
В душах тревога молчит.
Мы осушили небесные бездны,
Солнце слова говорит.

Полон восторга пламенный город, —
Люди, машины, цветы...
Каждый сегодня богом быть может,
Солнце над каждым горит.

Медный гудок заревел над планетой,
Пространства, подъемы нас ждут.
В жизни бессмертной, как в песне неспетой,
Звезды звенят и поют,

Солнце мы завтра расплавим,
Выше его перекинем мосты.
Как песком, мы мирами играем,
Песню мы слышим тихой звезды.

Раздел II

ИЗ ПОЭМЫ «МАРИЯ»

В моем сердце песня вечная
И вселенная в глазах,
Кровь поет по телу речкою,
Ветер в тихих волосах.

Ночью тайно поцелует
В лоб горячая звезда
И к утру меня полюбит
Без надежды, навсегда.

Голубая песня песней
Ладит с думою моей,
А дорога — неизвестней,
В этом мире я ничей.

Я родня траве и зверю
И сгорающей звезде,
Твоему дыханью верю
И вечерней высоте.

Я не мудрый, а влюбленный,
Не надеюсь, а молю.
Я теперь за все прощенный,
Я не знаю, а люблю.

* * *

Сердце в эти дни смертельно и тревожно,
Прежде времени — над миром древний вечер,
Но душа — обитель невозможного,
Что погибло, то живет в ней вечно.

А утром небо красное цветет,
Невеста рано чешет волоса,
И цвет высокий пламенный растет,
И с ветром говорят великие леса.

И человек задумчиво поет,
Он ждет веками дальнюю звезду,
Себе гнезда он в мире не совет,
И любит сердце пустоту.

* * *

Я сердцем знаю,
Что не истаю
Я в этом мире,
В зеленом пире...

В далекой ясности
Есть тишь безгласности,
В плывущей лунности —
Покой бездумности,
По всей вселенной горят огни.

Их тихий трепет
Мне внятней лепет,
Их колыхание —
Мои искания,
В небесной бездне мы не одни.

* * *

Далью серебряной в утро росистое
Ходишь потерянный ты без пути.
Раннее небо раскинулось чистое,
Сердцу живому дорог не найти.

Может быть, встретишь в сгорающей дали
Брата родного и душу отдашь...
Долго мы шли и друг друга искали,
Земля голубая — убогий шалаш.

* * *

Тих под пустынею звездною
Странника избранный путь.
В даль, до конца неизвестную,
Белые крылья влекут.

Ясен и кроток в молчании
Взор одинокой звезды...
Братья мои на страдания
В гору идут на кресты.

* * *

Над голубыми озерами
В сумерках мрут облака,
Синими чистыми взорами
Замерла в небе тоска.

Влажный камыш наклонился,
В думе глядится на дно, —
Ранний ли сон ли приснился,
Ночью ль открылось окно...

Странник бредет неустанный
В темных полях по тропам,
Путь неизвестный, желанный
Лег по пустыне к горам.

СУМРАК

Дальнее мерцание
Голубых огней,
Вздых или сияние
Грезящих полей...

Нежное дыхание,
Аромат цветов,
Мир, очарование,
Трепеты листов...

Тихое плескание
Позабывших слов,
Свет и угасание
Чутких полуснов...

* * *

Тихий свет сиянья угасания
Льется в свежесть дремлющих садов.
Покой короткий, будто стихшие рыдания,
Призрак мрущий белых городов...

Все смолкает, как невнятное роптание,
Синева поблекла у цветов.
Оживает океан молчания,
Где забылись тысячи веков.

На вершинах спящих колыхание,
Взмахи от объятий льнущих снов,
Волн бегущих дальше плескание
И безмолвие невидных берегов...

ПРИ ПРОЩАНИИ

Весенний вечер в обаянии
Приник к земле,
Закат в немом очаровании
Погас во мгле.

В незримо дальнем осиянии
Подходит ночь...
О, просвети, прости в молчании,
Кому невмочь.

Так тихо, тихо расставание
Земли со днем,
Как будто чудное познание
Мы все пойдем.

В последнем радостном свидании
Возлюбим всех,
Тогда сольются при прощании
Любовь и грех.

ВО СНЕ

Сон ребенка — песнь пророка.
От горящего истока
Все течет, течет до срока,
И волна гремит далеко.

Ты забудешь образ тайный,
Над землею неба нет.
Вспыхнет кроткий и печальный
Ранний утренний твой свет.

Ты пришел один с дороги,
Замер сердцем и упал,
Путь в пустыне зноя долгий,
Ты, родной мой, тих и мал...

СЛЕПОЙ

Песню ночью никто не услышит,
Тихую песнь без певца.
И тебя и меня она кличет,
Как без матери в поле слепца:

— Ты испуган, ты вытянул руки,
Стужа тьмы, пустота, пустота.
Ни отголоска, ни звука.
Ты потерян, забыт, ты отстал;

О, не бойся, слепец позабытый,
Больше всех ты своей слепотой,
Одному тебе тайный и скрытый
Свет открою и буду сестрой.

Мир подымешь на слабые руки,
Что захочешь, полюбишь — твое.
Ты испуган, слова твои глухи,
Ты — любовь, твое сердце — в моем.

У стены, у стены на дороге
В смертном ужасе замер и ждешь,
Ждешь, приедут холодные дроги —
Не откроешь глаза, а сожмешь...

Ты живой, ты живой, ты единственный,
И стена — только дым на глазах,
Ты слепой, но в тебе свег таинственный,
Ты у мира один на часах.

Никого, а себя испугался,
В ослепительном свете ослеп
И один от ушедших остался
В поле темном на мертвой земле.

Для тебя одного невозможное —
Крылья радости, вольный полет.
И все тайное — только ничтожное,
Только тень от открытых ворот.

Ты оживший, спасенный спаситель,
Тихий голос твой — миру закон.
Ты вселенной единственный житель,
Твоя истина — утренний сон.

Песню ночью никто не услышит,
Тихую песнь без певца.
И тебя и меня она кличет,
Как без матери в поле слепца.

* * *

Мы пройдем тебя до края,
Небо, тайна голубая.
Мы любовь, мы — мысль вселенной,
Звезд зовущих странник пленный.

Мы идем в темницы тайные,
Там красавица печальная
Не дождется часа светлого,
Будто песнь, никем не спетая.

* * *

Тою ночью, тою ночью чутко спали пашни, села,
Звали молча к ним дороги, уходили на звезду.
И дышала степь в истоме сердцем тихим, телом голым,
Как в испуге, на дрожащем уплывающем мосту.

Завтра утром не расскажешь, как летела там звезда,
Где упала и погасла на болотной пустоте.
Ранним часом с земли хлынет вся небесная вода
И замрет на бледно-синей, уходящей высоте.

* * *

Падают звезды с неба на траву,
Сердце заходит испуганно, радо.
Вестники дальние пламени, славы
С неба слетаются в тихое стадо.

Земля — дума, песня не пропетая,
В мире нет задумчивей лица,
И долга, долга дорога светлая,
И в глазах от радости роса.

Тяжела нам вечность неизменная,
Тишины и думы синие огни,
Мы пойдем, исходим всю вселенную,
Не заблудимся без матери одни.

Мы поднимем камни, камни и железо,
Где уходят вечером неслышные стада,
Ясную вселенную увеличим в весе
И небесные засветим города.

* * *

Среди нив, певучих в спелости,
Все шумит, шумит сосна,
На кургане давней древности
Лист бормочет ото сна.

Здесь спустил в провал могилы
Вождь красавицу жену,
Облака по небу плыли.
Древний ветер траву гнул

Здесь когда-то, прежде времени,
Море жило в песне волн
И таило в тинной зелени
Утонувший чей-то челн.

* * *

Тиха дорога, неизвестна,
У брата горячи глаза,
Мир тайный — сонная невеста,
Мы — предрассветная роса.

Конца мы ищем бесконечного,
Мы знаем — есть у бездны дно.
Но одолеем зверя вечного,
Когда с ним станем заодно.

Мы меньше трав и тихих нищих,
Глаза у нас небес ясней,
Песка подводного мы чище
И всех зверей живых сильней.

* * *

В эти дни земля горячее солнца,
На коленях я, и каждый мне Христос.
Загорелся мир, как сохлая солома,
И никто не знает, где на небо мост.

В сердце человека и любовь и жалость,
О бессмертии поет великая река,
На песок упала тоненькая веточка —
Матери моей остывшая рука.

В поле закопали люди свое сердце —
Может, рожь поспеет тут и без дождя,
Может, будет лето, и воскреснут дети,
И протянет руки нам родная мать.

* * *

По деревням колокола
Проплачут об умершем боге.
Когда-то здесь любовь жила
И странник падал на дороге.

О, милый зверь в груди моей,
И качка сердца бесконечная,
Трава покинутых полей,
И даль родимая за речкою.

Я сердце нежное, влюбленное
Отдал машине и сознанию,
Во мне растут цветы подводные,
Я миру вестник мира дальнего.

Слетают звезды с вышины,
И сердце, радуясь, пугается,
Как много в шуме тишины,
Звезда на песню отзывается.

ТОСКА

Вечер душен. Ночь недалеко.
Ты замкнулась и молчишь...
Будто льется — льется без конца река,
А кругом ни шороха, лишь тишь.

Подойди к углу, где сумрак кроткий,
Стол-угольник и открытая тетрадь...
У сверчка протяжны, скучны нотки,
И опрятна девичья кровать.

Наклонись в томительном искании
На узоры вытянутых строк.
И в усталом, ласковом касании
Вылей чувства робкого поток.

Далеко — ты слышишь — звонит колокол
В неурочный и опасный час...
Мраком манит, мраком мертвый дол,
Он зовет и звал уже не раз...

Ты одна. Постель белеет холодом.
Полночь глубже. В тучах небеса.
Кровь колотит в сердце гулким молотом,
И не видны за оврагами леса...

МНОГО МАТЕРЕЙ

В мире большом и высоком
Много дорог и домов.
Небо — колодезь глубокий,
Мать не поймет моих слов.

Много идут матерей,
Только чужие и мимо.
Нам ни одна не откроет дверей,
На руки с лаской не примет.

Нищими ходим мы по земле —
Мать ли не встретим в замолкшем лесу...
Каждый замучен, от пыли ослеп,
Сердце до матери я донесу.

В городе праздник — дома и огни.
Дети бредут и все просят любви —
В поле мы были одни и одни,
Мать, хоть чужая, нас позови!

И протянулись к нам белые руки,
Полные груди ждут с молоком...
Шли по дорогам мы в радостной муке —
Есть и у брошенных матерей и дом.

Нам улыбнулись деревья и камни,
Каждого любят мать и сестра,
Стали мы всеми, все стали с нами,
Будто в степи у большого костра.

МИР

Мы дума мира темного,
Несказанное слово.
У света непройденного
Нам нет пути иного.

Горит костер — вселенная,
От искор в небе град.
Трава растет нетленная,
Цветет глубокий сад.

Поет слепая птица
И в песне видит свет,
Ей ветер в поле снится
И в мире чего нет.

Живут в неслышной думе,
Как миги, все века.
И песнею без шума
Падает река.

МЕРТВЫЙ

Как тоскует верба в поле!
Ветер как гудит!
Сердцу человека больно,
Человек не говорит.

Тьма и дождь, и бесконечность.
И не видно ни звезды...
Тихо мрут над гробом свечи,
Мертвый жизни не простит.

Он лежит замолкший, тайный
И смертельней мертвеца,
Он проснется завтра рано,
Догорит к утру свеча.

Нежен взор его туманный,
И под горлом теплота,
Веки дрогнули нечаянно
Тише жизни красота.

* * *

Небо вверху голубое,
А ночью мне снилась звезда:
Я будто царь и разбойник,
И ты далека и чиста.

Над миром бушуют пожары,
Над сердцем сверкают мечи,
В руке моей скрыты удары,
И солнце от боли кричит...

* * *

Мир рожден улыбкой человека,
Он вселенную невестою назвал.
Смерть рука влюбленная рассекла,
Вечный посох странник в руку взял.

Бесконечность солнцем утром взорвана,
Зацвела небесная звезда,
И растет вселенная просторная,
Бесконечней бесконечности всегда.

* * *

Когда я думаю, я слышу музыку,
Поют далеко голоса.
И светит солнце слепому узнику,
И песне-мысли нет конца.

Над головою дышит бездна,
Непостижима и ясна
Дорога вышла в неизвестность,
Где вечно светится весна.

Лицо вселенной там прекрасно,
Ее смертельна красота,
Звезда упала, летит и гаснет —
Над нею выше высота.

РАЗДЕЛ III

РУСЬ

Клонится к нивам поющим
С кроткой усталостью день,
Тени по рытвинам, кручам
К травам прильнули тесней.

Там, за умолкшей опушкой,
Звонят к вечерне в селе.
Странник с иконкой и кружкой
Бродит по стихшей земле.

Добрые сонные деды
Еле плетутся на звон,
Кличут в окошко соседа —
Долго копаются он.

Над облаками синеет
Птица пугливая — тьма,
Ветер на листьях немеет,
Спит пастушонок Кузьма.

ВЕЧЕРНИЕ ДОРОГИ

Звезды вечером поют над океаном,
Матерь Бесконечность слушает одна.
Наклонился к миру месяц-странник,
И душа моя ему видна.

О, прохладные вечерние дороги
И дыханье — музыка моя...
Песня в поле жалуется долго,
Плачут звездами небесные края.

Все слова таит душа незримая,
Нету ей ни хлеба, ни воды.
Наклонись ко мне, моя любимая,
Мне не перенести ни песни, ни звезды.

* * *

Невысокие лозины,
Повалившийся плетень,
Одиноким долины,
Серый, скучный день.

Задремавшие равнины,
Пыльные кусты...
Мои милые картины.
Тихие мечты.

Я у чистого истока
Юности моей,
У бегущего потока
Уходящих дней...

СТЕПЬ

В слиянии неба с землею
Волнистая синяя цепь.
Мутнеет пред ней пеленою
Покойная ровная степь.

Бесшумные ветры грядую
Волну за волною катят,
Под ними пески чередую
Бегут — и по травам свистят.

Не дрогнет поблеклой листвою
Кустарник у склона холма
С обдутой сверху чистотою,
Где ночью не держится тьма.

Скрывается с злобой глухою
В колючках шершавый зверок,
Он спинкой поводит сухою
И потом от страха обмок.

Уж вечер... И, будто сохою,
Гремит у телеги мужик...
Восток позадернулся мглою,
А запад — как пламенный крик.

Свежеет. Над тишь степною
В безветрии тлеет звезда,
И светится ею одною
Холодная неба вода.

МАРТ

Снег под солнцем растопился,
Лужи распустил,
Воробей, спеша, опился,
Хвостик замочил.

От оттаявших заборов
Задымился пар,
Отощавший в зиму боров,
Как помятый шар.

Пес, от вьюг осатанелый,
Брешет ни с чего
И забыл, что околела
Сука — мать его.

Льются с тихим лопотаньем
В колесницах ручейки,
Вечерком же ранне-ранним
Все дороги далеки.

* * *

Млеют в горячей весенней испарине
Пашни, дороги и лес-молодяк,
Солнцем высоким они пошпарены,
Стали за летний рабочий верстак.

Хошь ли, не хошь, а водицей мочися
В лютую зиму обжившийся снег.
Терпи, не терпи и молись, не молися,
А скоро уж будет дребезг телег.

Странничек божий, Фома, уж поплелся,
На весну глядя, бродить по Руси,
Бадиком с гайкой таким обзавелся,
Что палец во рту пососи.

У изб, у плетней кое-где попросохло.
Ребятки мочою там пробуют грунт.
Шепчут старухи, — скотина где сдохла,
Как соль вздорожала с копейки за фунт.

Вечером свежим несется далеко
Вскрик или голос птицы какой...
Месяц над лесом пройдет одиноко,
Тронется небо звездной рекой.

* * *

На реке вечерней, замирающей
Потеплела тихая вода.
В этот час последний, умирающий
Не умрем мы никогда.

Мы твой зов, твой голос всюду слышим,
Тишина и сон твоя душа.
На руках у матери не дышим,
Без возврата ночью шла межа.

Свет засветится, неведомый и тайный,
Над лесами, ждущий и немой,
Бьет родник, живой и безначальный.
Странник шел и путь искал домой...

НОЧЬ

Лугом стелется дым от сухого костра
В курене рыбака на песчаной мели.
Даль густеет и стынет в молчащих полях,
В блеске мертвом река холодна и востра.
Брызнул искрами свет из небесной щели
И оперся о землю со смертью в очах.

Огонек рыбака в заводине глухой
В угольках своих греет картошки,
И сидит человек над пустынной рекой,
Позабывшись под пение мошки...
Пар с реки по лугам поволокся травой,
Покатился в овраги туманом-волной.

Не шелкает кнутом у деревни пастух,
Он заснул и храпит в прокопченной избе...
В трепетании звезд что-то шепчется вслух
И играет лучами в огнистой резьбе.
Расстиляется в Сне по земле пряный дух,
Неожиданный вскрик — в отдалении глух.

Лес листвою обвис, сухостоем обмяк,
Сил сосет из взопревшей земли.
Он раскинул далеко зеленый армяк,
Наготу материнства собою прикрыв,
И корявые корни глубоко ушли,
Совершая в страстях диво мира из див...
Перепелки к утру изнывают во ржах,
Рыбы мечут икру на заре в камышах.

ДЕНЬ

Солнце уж в силе, тени кратчают,
Липнет рубашка к спине,
Травы в истоме стеблем иссыхают,
Жарясь на вольном огне.

Сухо и знойно, негде укрыться,
Вихрится пыль по пескам,
Пусто, далеко, ветер струится
По прошлогодним листьям.

В мареве желтом, в устали тяжелой
Стадо овечье пылит.
Кнут подгоняет сзади по ляжкам,
Не попадая ж — свистит.

В днище оврага, в тени, прохладе
Узкий гноится ручей
Овцы припали, мокнут в отраде
В влаге студеных ключей.

Жальче и тоньше скулит сиротой
Дудка в губах пастуха...
Прыгает ветер — щенок молодой,
Даль полевая безлюдна, глуха.

* * *

Как тополи в тихие ночи,
Недвижны, стройны конопли...
Глубоко за силою-мочью
Деревья корнями ушли.

В земле прошлогодние стебли
Гниют, рассыпаются в прах,
Там черви, живя, поослепли
И движутся в темных норах.

Под знойно играющим солнцем
День зелен, медлителен, жгуч.
Травинка дрожит волоконцем,
И каждый комочек живуч...

Стоит, похилилась избенка,
Задумался дед на пеньке,
Жует и жует лошаденка,
И дремлет арбуз на песке.

* * *

Солнце жжет арбузы, зеленил огурцы,
Обратило к себе всю подсолнухов рать.
Еще тверды бобы, как у девки сосцы,
Впору только теперь воробьям их клевать...

Солнца ясен заход, ночь в теплыни идет
И тоскою зовет на село.
И натянешь зипун, сердце болью кольнет,
Поплетешься без песни, с душой наголо...

На околице визг, чуть задавленный смех,
Парни мечутся с ласковым зовом.
Отпустили с цепей древний прадедский грех,
Льнут друг к другу в желании новом...

Месяц поздно взойдет, перед самой зарей,
Все, сморившись, уснут — кто где как.
Небо вздернется легкою бледной корой.
По дороге раздавишь собачий костяк.

Далеко зазвенел на жалейке пастух,
У колодца стонает бадья,
Закадилса росой прохладною луг,
Солнце грянет чуть-чуть погодя.

НА РЕКЕ

Вода рябится легким духом
На зеленеющей мели...
Обрывы выветрились сухо,
И комья глины поросли...
Под ветер выскочила жаба,
О влажный хрустнула песок,
Она от тины вся иззябла,
И свисло брюхо, как мешок.
Спешит прихлопнуть лапкой мокрой
Червя, что вьется меж камней...
Пестреет стайка туч сорокой,
Темнеет блеск реки под ней, —
И шумно дождик полосую
Запузырился по воде,
Сверкнул отточенной косою
И замер, радугой зардев.

У ГОРОДА

Столб телеграфный гудит над канавой.
Ветер затрясся, завыл в проводах.
В кучах навозных бродит шалавой
Пес одичалый, со шкурой во вшах.

Рявкает с хрипом от голода, старости,
Нюхает сгнивший собачий костяк,
Лижет его в неожиданной жалости:
Может быть, это щеночек-сопляк.

Ров недалече с сугробами падали,
Кружится тысяча галок над ним.
Клювами сразу тухлятину сцапали —
Трупом поменело в мире одним.

Ласточки, легкие перышки неба,
Крутятся свадьбой, писком кричат,
Ищут для птенчиков в воздухе хлеба
И, задыхаяся, камнями мчат.

Сядешь на зелень и вскинешь глазами...
Где-то далеко телега скрипит.
Плавится мутный свинец облаками,
Пес исхудалый кашлем хрипит.

* * *

Не тихо и не шибко,
А так — чуть-чуть спеша,
Розвальни ноют хлипко,
Где летом шла межа.

Бесшумно и покойно
Полозья чешут снег,
И сердце сжалось больно
Средь похиленных вех.

Деревня за буграми
Маячит кучей хат,
Глубокими снегами
Поля во сне шуршат.

* * *

Долог зимний рассвет
В деревенском окне.

С богом шепчется дед
При лампадном огне.

Светит снег у плетня
На забытом гумне,
Куры ждут давно дня —
Покопаться в зерне.

Вся деревня в снегу,
И река подо льдом,
На промерзшем лугу
Ходит ветер огнем.

Уходили века,
Нивы ждали весны...
Но тропа далека
До зеленой сосны...

ДОРОГА

Глухая лесная дорога
И мшистый коряжистый пенек...
Путь крестный народа немого,
Душа чья — граненый кремь.

Проселки в узлистом сплетеньи
Раскинулись вокруг деревень,
Где страхом куется терпенье,
Покоится рабская лень,

Сузятся у пашен в тропинки,
И — дальше былиночки мнут,
Средь сел поприжмутся к лозинкам,
С околиц же прямо бегут.

Их манят поля и просторы,
Где странники молча бредут,
Ногами босыми узоры
Версту за верстой по ним ткнут.

Сгорбясь под сухарной сумою,
Идущие песни поют
И звякают ржавой клюкою.
А песни за море зовут...

ПЕСНЯ

Мих. Бахметьеву

На зеленой, на поляне,
Посередке улицы,
Ходят Стеши, ходят Глани,
Румяные курицы.

Кочетами Ваньки,
Степки Выступают важно,
А курносой рожой цопкой
Так умилен кажный.

Норовит корявой лапой
Ухватить за сиську,
Ухмыльнулся баба-бабой
Страхолюдный Митька.

Рыжий дернул на гармошке,
Девки взвыли в голос,
Застрадали про Ермошку.
Рос высокий колос.

БЕЛЫЙ СВЕТ

У дороги края нету,
Нету дома и конца.
Мы идем по голубому свету,
Ищем голубиногo яйца.

Реки все за нами льются,
И леса бредут по ветру вслед,
Там далеко родники сольются,
Мы и этот покидаем свет.

Крыша над полями тает,
Убегает по лугам волна,
Солнце землю пьет, а конь его играет,
Золотая деда борона.

Голова моя под шапкой светится,
Пухнет пузо под рубахой ржи.
Вон руками замахала мельница,
А и ветер не брюжжит.

Мы пришли на косогор утихший,
На горячую девичью грудь.
После страды нам невесты ближе,
Вечер каждый они кровь сосут.

Руки вскинуты и звезды загораются,
Груди голые — два тихие холма,
Косари до света белого промаются,
Понавалят в душу хлеба закрома.

МУЖИК

Цельный день я вижу тын и лопухи,
Да овраги, да тоску, да воробьев.
Под плетнем прилипли к курам петухи,
Плачет Машка у соседей, у сватьев.

Похлебаешь квасу с хлебом аль картошки пожуешь,
Сломишь бадик, перекрестишься от дум.
А заботу скинешь — песню запоешь,
С огорода в подголосок воеет кум.

Парит пашню, ветер мечется один,
Заневестилась полоска-полоса.
Зеленеет мой озимый длинный клин,
И зажмурились синие леса.

МАНЯ С УСМАНИ

Полны груди молока
У румяной матери,
Заголенная рука
Стелет гостю скатерти.
И глядит, и не глядит,
Будто ухмыляется —
Дескать, сердце не лежит
Мне с тобою лаяться.
В люльке мается Ванятка
От дурного глазу,
С Рожества, от самых святок,
Не поспал и часу.
Навалилася напасть,
Как без мужика-то!
Жизнь одной — не жизнь, а страсть,
Как без бога хата.
На кого похожа я!
Ссохлась с тоскованья,
А была пригожая,
Где ты, милый Ваня!
Люди, люди, приходите,
Либо нет на вас креста,
Душу ласкою уймите,
Ближе к звездочке звезда.

Выйдем к женихам веселым,
Сплетем туго косы,
Чтобы сердце било звоном,
Чтоб светились росы.

ЛЕСНАЯ ГОВОРУШКА

Выйду в новом сарафане
Я за гумна ввечеру,
Затаюся за поляной,
Не вернуся ко двору.

Загорится над рекою
Высока, светла звезда,
Родилась я, знать, такую
Птицей — с птичьего гнезда.

Стихнет, стихнет и умолкнет
Голос всякий на селе.
По росе пойду, намокну,
Песня вспыхнет веселей.

Не проведуют на утро,
Где любила я одна.
Уходила в гору круто,
Доставала в небе дна.

Мама, мамушка родная,
Ты припомни обо мне,
Говорушка я лесная
На гнилом змеином пне.

МАТЬ

Руками теплыми до неба,
До неба тянется земля.
Глядит и дышит в поле верба,
Она звезду с утра ждала.

И звезды капают слезами
На грудь открытую земли
И смотрят тихими глазами,
Куда дороги все ушли.

И снится, думается дума,
Дыханью каждому одна.
Леса бормочутся без шума,
Не наглядится тишина.

Земля посматривает, чует,
Бессонная родная мять,
До утра белого не будет
Ребенок грудь ее сосать.

МАЛЬЧИК

В вечер летний, тихий и тоскующий,
Звезды с неба травам говорят.
Домик скрылся и зарос садами,
И в окне белеется звезда.

Спит Волчок в репьях под лопухами,
Сердце человечье у него во сне,
И во сне рекой уходят звезды,
А земля без края и дорог.

Ночью каждый от себя уходит,
Понимает, а к утру молчит.
В поле грудь волнуется и дышит,
Люди встали и глядят.

Мать до света белого качала
Мальчика в корыте на полу.
Домик крышей светится под небом,
Мальчик мается, руками говорит.

Сны его несут далеко,
Улыбаются и на руки берут.
Мать другая грудь сосать давала,
Много рук протянуты и ждут.

Он не знает, никому не скажет,
Отчего и ночью так светло,
Отчего во сне он говорит и любит,
А днем немой и ненавидит.

В самый полдень, когда поле выгорало,
Заметался мальчик и открыл глаза.
Мать давно томится на работе,
Чуть змеится время, долго до гудка...

Снова шепчет вечер, тихий и печальный,
Серебряные струны в небесах поют.
Подушка навалилась на лицо ребенка,
Пух во рту горячий прожигает дух.

В дверь Волчок заскребся,
Мухи ноют тише, за окном забор.

Вышла у соседей на крыльцо невеста
И одна запела.

Тянется не рвется тоненькая нитка,
Капля бьет по капле, а полны века...
Мальчик замирает, видит сон последний,
Будто мать уходит, больше не придет.

Без конца заборы, темные дороги,
Наверху просторно, тихо и светло.
Села мать на камень, руки протянула
И одна поет.

Умер мальчик. Белый, он светился ночью,
Не в корыте он один заснул.
На него в окно смотрели звезды,
К свету мухи облепили весь живот.

ДОМОЙ

Утром трава просыпается,
Дышат, шумят воробьи.
Ты с человеком не встретишься
Тут под навесом зари.

Долги дороги из камня,
Жарок подножный песок,
Глаз у звезды закрывается,
Тянется солнце рукой.

Эти поля и дороги,
Этот стонающий день,
Жметя к тебе и тоскует
Земная пустая душа.

Думаешь. Видишь далеко,
Нет никого на пути —
Страница богом согнута,
Деревня, солома, плетни.

Тут я любил и родился,
Братца таскал на руках,
Землю большую увидел,
Боялся, умрет моя мать

Летние дни улыбаются,
Реки текут в серебре,
В поле песок загорается,
Мать дотемна не придет.

Братца ношу, утешаю,
Постом ему минет годок,
Любит он, смотрит, смеется,
Думает, я ему мать.

К вечеру день опускался
В темь затаенных лесов,
Ночью росой там купался,
Утром ребенком глядел.

В поле играли мы с братом,
Город лепили в песке.
Сеня поднялся на ножки,
Со страху моргать перестал...

Дома все зяб он и жался,
Вечером есть не хотел,
Пеною утром закашлял,
Пух животом и синел.

Мать не пошла на работу,
На руки Сеню взяла.
Глаза он открыл и не видел,
Ложилась на них пелена,

В полдень заснул и во сне засмеялся,
Руками ловил и стонал...
День прогремел и на лес опустился,
Шла, уходила река.

Стих ночью Сеня,
В рот взял мой палец,
Глазами глядел, а дремал.
И день весь, и ночь всю другую глядел и дремал.

Утро настало. Чуть вышел день.
Сеня проснулся и руки поднял.
Глазами повел далеко, как слепой,
Будто ушел и забыл оглянуться...

Плавает солнце по небу одно,
Странник, отставший в степи,
Ходит и ищет дороги-пути.
Плачет с ним вместе земля.

Рожает она, хоронит и любит,
На солнце глядит каждый день.
Могилы, поля, и плетни, и деревни,
И смерти и жизни нету конца.

Когда же дойдем мы до дома
И в нем до утра отдохнем.
Сойдемся, увидим умерших,
Забытых, далеких вернем.

Когда ж эту смерть вместе с жизнью
Сожгем в яме скорби своей,
И встанем с соломы детьми
У матери в доме родном!

СТРАННИК

В мире дороги далекие,
Поле и тихая мать,
Темные ночи глубокие,
Вместе мы, некого ждать.

Страннику в полночь откроешь,
Друг позабытый войдет.
Тайную думу не скроешь,
Странник увидит, поймет.

Небо высоко и тихо,
Звезды веками светлы.
В поле ни ветра, ни крика,
Ни одинокой ветлы.

Выйдем с последней звездой
Дедову правду искать...
Уходят века чередой,
А нам и травы не понять.

СКАЗКА

Волга, воды голубые,
Дно — серебряный песок,
Лодок весельные крылья,
Над костром в степи дымок.

С ранней думой сокровенной
Мальчик ждал тут кораблей...
Ветер воду чешет пеной,
Весла машут веселей.
Снятся мальчику на лавке
Сны, один того страшней:
Богатырь в железной шапке
Шаг кладет в сто сажений.

И несет в руках царевну,
Девоч наших румяней,
Дочь бога, королевну,
Глаз светлей степных огней.

Волга к ночи тихо ляжет,
Загудит зато земля,
Все дороги звезда скажет,
И зашепчутся поля.

Мальчик с думой обручится,
Все узнает и поймет:
Богатырь с царевной снится,
Волга вечером поет.

Годы, птицами со степи,
Навестят и улетят.
Легче жизни нету цепи,
Люди любят и молчат.

Мальчик вырос в атамана,
Сжег деревню, мать-отца
И ушел на лодках рано
У земли искать конца.

Шапку с головою скинул,
Сам оперся на весло,
А царевну в море кинул, —
Без нее в душе светло.

ДОРОГА УТРОМ

Дорога утром легла далеко,
Дорога утром без краев.
Река не дышит, река глубока
Под куренями у рыбаков.

Поют колосья и никнут нивы,
Зажег на небе костер пастух,
А лес махает зеленой гривой
На поле спелых ржаных краях.

Ищу невесту, а ее нету,
Я позабыл ее избу.
Поднялся рано — еще до свету,
С сумою нищей на горбу.

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК «ГОЛУБАЯ ГЛУБИНА»**

ПОЕЗД

Вьется, вьется, вьется
Путь стальной змеей —
Встречный лес смеется
Дружною семьей.

Стучат, бегут колеса
По рельсам чрез мосток
Быстрей вагон понесся,
Послышался свисток.

Льется, льется, льется
Стон груди стальной
И звонко раздается
Песнею родной...

НАД ГОРАМИ

Небесами ясными
Облака бежали,
Взорами уставшими
Отдыха искали...
Чуть-чуть притаились
На вершине дикой,
Крылышки закрылись
Над иглою-пикой...
А, вздохнув немного,
По прозрачной сини
Снова в путь-дорогу,
В колыханье линий.

+ - ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Выходите по плитам звенящим, дрожащим под шагом
Уверенным, твердо рассчитанным маршем!

У станков, у моторов, вагранок с кипящею медью
Сговоритесь спокойною, краткою, ясною речью труда,
А потом — слейте в миге едином
Всю волю, усилие, мощь трепещущих жизнью железною жил
И ударьте по клапанам и регуляторам,
Воющим силою темной упорной огня —

Ударьте — взмахом одним тысячей рук,
Тысячей рук, как одной!
Тысячей пальцев в мозолях и ранах —
Знаках немых сопротивлений металла и пламени горнов...
Рукою за руку в пожатии — призыве братском
Возьмитесь, идите всей цепью, звено за звеном,
Разбейте ворота — и океаном свирепым
Раскиньтесь волнами с кровавою пеной,
Запейте потоком, ударьте прибойной струею —
Мир, убывающий в силе, землю усеявший гнойными трупами,
Бледною, тощею кровью, еле живущий,
И взвейтесь столбом, стальным, прокаленным,
Под небо, под звезды!
И засветите под солнцем,
Чтоб солнце потухло,
Факел из слившихся искр от ударов,
Ударов ритмичных и властных
Наших желаний, влитых в одно...
Мы — это правда грядущая,
Правда земли, под которой
Рухнут все тайны небес...
О, мы раздавим, взорвем динамитом,
В песок превратим этот мир!
И продиктуем кометам и колоссальным далеким мирам
Волю машин,
Правду горящих сердец.
Выходите по плитам звенящим, дрожащим под шагом
Уверенным, твердо рассчитанным маршем...

* * *

Мир родимый, я тебя не кину.
Не забуду тишины твоих дорог.
За тебя свое живое сердце выну
Полюблю, чего любить не мог.

Снова льется тихий ливень песни
И опять я плачу от звезды,
Сам себе еще я неизвестней,
Мне никто пути не осветил.

Ветер теплый, как ладони мамы,
Ходит тихо по траве,
Голубыми льнет ко мне губами,
Не умру я на земле вовек.

Песня песней, ты никем не спета,
Оттого не слышу я травы.
Человек мне в поле не ответит,
Некому на жизнь меня благословить.

ЛУННЫЙ ГУЛ

Железный трепет электрического века,
Песнь электронов, лунный гул,
Звонящий стон разорванных молекул, —
Вселенский бой сопротивленью и огню.

Свет раскаленный моего сознания
Глаза зажег у слепнущей звезды,
Услышал в мире я глубокое дыхание,
Подземное движение воды.

Веселый белый бред садов весенних,
Далекий звездный звон и лунный гул —
Певец я, странник и жених вселенной,
Для поцелуя ей я шею перегнул.

* * *

Мы на канатах прем локомотив
К платформам красным станции.
Цилиндры в триста лошадиных сил
Заржавели на скрепах с фланцами.

Давно не крутит оси кривошип
И замер, разбежавшись, маховик.
Трубы макушка — проволочный гриб —
Прогнил от дыма, вбок поник.

Волочим сажень-две, минуту отдыхаем,
И снова ухаем, ногами чешем землю,
Плечью брат к брату ближе примыкаем.
В поту и хрипе узкою пролазим щелью.

Канат рассекся от усилий дружных
И хлопбынул по роже чьей-то тощей —
Метнулась врозь стая ребят досужных
.....

Оправились и потащили с песней,
Мамаше подарив матюк.
Последний шаг — и силе стало тесно,
Скрипит, шатается на оси крюк...

Шабаш — доставили!..
Двугривенный и сотка,
Да огурец, в горшке разбрюхший от рассола.
Кормись, дыши, промачивайся, глотка,
И хлебец жуй муки вкуснейшего размола.

* * *

Резцом эпох и молотом времен
Спрессована, изваяна природа,
Песком веков занесены следы племен
Никем в Судьбу не взорваны ворота.

Тоской пустынь и тишиной души
Мир стережет дорогу звезд и путь судьбы,
И неизвестность человек с собою обручил
И жаждет бесконечность моих объятий и борьбы.

Дыхание звезды и странствующий ветер,
И солнце страстное, ревущее на небе,
Мы в мир пришли окончить белый свет,
Разбить вселенной страшный слепок.

Мысль разразится в мире катастрофой,
Немой и безымянный будет человек,
Удар машины, тяжкий и суровый
Судьбы железный череп пополам рассек.

СТИХИ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУТИ

Заражено пузо едою —
Неукоснительно и неспеша,
Пропавший пупок блестит чистотою:
Вся кожа в работу пошла.

Еда, брат, громадное дело,
Щами велик человек,
Ешь, чтоб душа не сопрела,
Лопай, давись, животом кукарекай!

Будешь ты в славе и чести,
Если скулу изотрешь,
Сгинешь, как гнида, без вести,
Если планету сию не сожрешь.

Ах если б нам бы да кабы
Хлебы испечь из звездных зерен, —
Хватило б, и то абы-абы,
Да пузо само бы гнало самогон.

Лечь бы, к примеру, послаться,
Не сознавать, а сопеть
Опомнися, тихо нажраться
И атмосферой воздушной лететь.

НЕБЕСНАЯ АВИАЦИЯ

Земля сама — воздушный шар
На солнечной веревке,
Внутри клокочет газ и жар
В гранитной упаковке.

Летит — по солнцу чертит тень —
Не слышно и не дышит,
И груз пространств и деревень
Несет и не колышет.

И воеет, воеет и гнетет
Машина тяготения,
Но прочен трос стальной — не оборвет
И скорость не скорее времени.

* * *

Изобретатели!
Громилы мира,
Работники чудес и путники пустынь!
Какая мать свирепой силой обкормила,
Тебя, осиротелый, одинокий сын!

Ты видишь: не протоптана земля
И океаны в тьме гремят,
Надеждой тайной звезды веселят
И дух сопротивленью мира рад.

Крепчает тело и кровь густа,
Скрежещет мыслью жаркий мозг,
Пространств пустынных высота
Таит любовь цветов и скорбь ночных дорог

Какое сердце жизнь вместит?
Какая мысль с дежурства звезды снимет?
Неимоверный случаи — жить,
Изобретатель безымянный и незримый.

Урод живет и женщину имеет.
Но скован смертною судьбою,
Кто миром овладеть посмеет —
Изобретатель — мировой разбойник.

НА КОРАБЛЕ

Бог безмолвный, Сатана подземный
Кто-то Третий, — вы предтечи нашей славы.
Сторож Время, в вечности бессменный,
Сторожит отравленные травы.

Смерть, пустыня, неизведанная тайна,
Голос злобный и ослепшая тоска
Все, что есть, безумно и случайно,
Вверх со дна летящая река.

Мир рожден улыбкой человека,
Он вселенную невестою назвал.
Смерть рука влюбленная рассекла,
Всякий сонный, всякий мертвый встал.

Бесконечность солнцем снизу взорвана,
Зацвела небесная звезда,
И растет вселенная просторная
Бесконечней бесконечности всегда.

Мир — пожар и радостная гибель,
Мы — матросы на сгорающем судне,
В смерти кто бессмертия не видел,
Тот обледенелый в саване на дне.

Неизвестность мы просверлили мозгами,
Миллионами истоптана земля,
Вечность мы измерили часами,
Океан несется мимо корабля.

I

Мир рожден улыбкой человека,
Он вселенную невестою назвал.
Смерть рука влюбленная рассекла,
Вечный посох странник в руку взял.

Бесконечность солнцем утром взорвана,
Зацвела небесная звезда,
И растет вселенная просторная,
Бесконечней бесконечности всегда.

В небесном мире нету слова,
Звезда и жизнь невыразимы,
И песнь моя всегда безмолвна,
И сердце с сердцем дышат мимо.

II

Небо вверху голубое.
А ночью мне снилась звезда:
Я будто царь и разбойник,
И ты далека и чиста.

Над миром бушуют пожары,
Над сердцем сверкают мечи,
В руке моей скрыты удары,
И сердце от боли кричит...

Странник пути голубого —
Сердце, поешь и немеешь...
Нету для песни мне слова,
Даю, ничего не имея.